

"Фабула" Inc.

Артур Рим

18+

Артур Рим
"Фабула" Inc.

«Автор»

2026

Рим А.

"Фабула" Inc. / А. Рим — «Автор», 2026

Если Вы заметите нечто подозрительное, необычное, внеземное, особенно в устройстве «Фабула» Inc. – срочно обратитесь в техподдержку, и Вам помогут. Возможно...

© Рим А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сыворотка в иной мир	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Артур Рим "Фабула" Инс.

Сыворотка в иной мир

Репорт: А-00001

Местоположение: *Кольский полуостров, Лечебное учреждение для буйных им. И.А. Васильковой, «Отделение 71», пос. Енохово, д. 12 1931г.*

Утечка: общедоступно.

Февральским вечером не горели фонари, перестав освещать узкие тропинки в небольшом парке. Даже луна спряталась за тучами. В крошечной тьме быстрыми перебежками перемещались лишь санитары, в панике покидающие здание – за ними будто кто-то гнался.

Изнутри трёхэтажного строения с черепичной крышей доносились чавкающие звуки, от которых бросало в холодный пот – потоки вязкой слизи изливались из каждой щели, каждого отверстия, заполняя зловонием всё возможное пространство вокруг; шёпот доносился со всех сторон, становясь то ближе, то дальше, словно его издавала сама слизь. И слизь нагоняла убежавших, погребая под собой сугробы и все препятствия, чтобы не отпустить никого.

Профессор Григорьев Илья Сергеевич, ведущий психиатр и химик при «Отделении», а также его руководитель, был человеком мягким, но пытливым. Низенький старичок с лысиной и глазами, слегка на выкате, всё ещё поминавший царя при удобном случае, Илья Сергеевич стал настоящим столпом медицины, постепенно отказывающимся от традиционных методов лечения.

Профессор заступил на дневную смену в хорошем расположении духа, однако после планёрки настроение ухудшилось – с вечерней почтой было получено письменное одобрение на использование электрошоковой терапии, призванной усмирить несколько самых неадекватных пациентов из числа преступивших закон. Илья Сергеевич не был рад такому применению электричества, но так было куда лучше, чем постоянно бинтовать израненных пациентов, впавших в бешенство.

Всё было как обычно – обход, распределение препаратов, ремонт некоторых помещений. После обеда в общей столовой Илья Сергеевич прогулялся по закрытому парку – осенью было прохладно, однако профессор и не думал одеваться, – заметив улучшение состояния у одного из контуженных шахтёров, выбравшегося из-под завала живым. А после прогулки он выпил чашечку кофе, сидя возле радио, где вещали о завершении строительства нового закрытого НИИ «Рассвет».

"Эх... Вот бы глянуть на этот НИИ. - замечтался Илья Сергеевич, - А может и правда... податься туда?"

От мечтаний профессора оторвал один из санитаров, напомнивший о начале процедур в ближайшие десять минут. Допив кофе, Григорьев отправился в подвал, где и была установка для терапии.

Из протокола процедуры:

«Профессор Григорьев И.С. объявил о готовности.

Процедура началась ровно в 14:00.

Состав коллегии: профессора Савченко И.Ф. и Лязева Н.К., а также санитары Феофанов и Налимов.

Исполнитель процедуры: доктор Удальцова Я.П.

Электрошоковая терапия была назначена пациенту Дьякову С.Г. в связи с крайней степенью помешательства – у больного наблюдается визуальные и аудио галлюцинации, призывающие его к деструктивному членовредительству.

Осуждённый районным судом в 1926 г., Дьяков был направлен на лечение, однако пациенту прописанное лечение не помогло. Назначенная терапия электрошоком была сочтена как единственное решение проблем с галлюцинациями.»

Машина гудела, направляя разряд электричества через привязанного к кушетке бугая. Он стонал и мычал, брыкался и кидался из стороны в сторону (насколько ему позволяли ремни), чтобы избавиться от той дикой боли. Прикусив резиновую капу, он выгибался дугой, пока Яна Петровна не отпустила рубильник.

Не в состоянии вынести отвратительный запах, появившийся после включения прибора, коллегия прервала процедуру на небольшой перекур.

– Скажу вам честно – электрошок вряд ли поможет Дьякову. – промямлила Яна Петровна, держа в зубах папиросу, – Мы, конечно же, продолжим, но я бы его просто накачала седативными.

Илья Сергеевич лишь покачал головой видя, как его подчинённые думают хоть и о больных, но всё таки людях. Сам он хотел найти выход из этой ситуации с помощью щадящих инъекций специального препарата, который самолично разрабатывал уже не первый год. Только вот рассказать о своих изысканиях профессор пока времени не было – а вдруг не получится. Или получится, но эффект будет не таким.

Процедура продолжилась. Удальцова завершила её только через час, при этом износ оборудования был просто колоссальный – ремни лопнули в нескольких местах, от капы остались лишь ошметки, медные электроды покрылись коркой горелых волос и кожи, а сам аппарат дымился и искрил. Но Яна Петровна была довольна результатом, что отметили при составлении протокола.

Всё это время профессор Григорьев наблюдал за страданиями человека, которого превратили в безвольный овощ, пускающего слюну от любой стимуляции примитивного инстинкта – еды, воды, женщины. Илья Сергеевич был подавлен. И хотя умом и понимал всю пользу этого варварства, внутренний голос торопил его с разработкой вакцины.

Вечером же, закрывшись в своём кабинете-лаборатории, профессор снова и снова прогонял расчёты своей формулы через собственный анализ.

«Ошибка недопустима, твердил он, Только результат!»

И вот формула за формулой, эксперимент за экспериментом – всё на лабораторных мышах, – продолжались. Но он был всё ещё далёк от конечной цели.

Наступил январь. Снег уже лежал плотным слоем на промёрзшей земле и все прогулки были исключены из общего режима. Не гулял и персонал – холодный ветер, задувавший с Белого моря, пробирал до костей и гулял по всему «Отделению 71» и посёлку, создавая сквозняки в шатких домишках и задувая сквозь тонкие стены.

А в лаборатории Ильи Сергеевича было тепло натоплено, и даже двери утеплены. Сам же профессор болел – ужасно простудился, – но всё так же упорно вёл свои исследования, не отвлекаясь ни на что. Зимой всё было куда проще, да и пополнение санитаров сильно облегчило ему жизнь – взяв на себя рутинную работу уже не молодого руководителя, из-за чего профессор

мог себе позволить сидеть в кабинете допоздна. Новые санитары выполняли эти обязанности с охотой и рвением выслужиться.

Опыты профессора увенчались частичным успехом, что породило ещё больше энтузиазма в учёном. Многие из мышей действительно успокаивались, правда вот был нюанс – узнать о побочных эффектах было крайне тяжело, ведь мыши не говорят. Как не говорили больше те, кто прошёл электрошоковую терапию, хотя им, возможно, всё ещё требовалось лекарство.

Одна из мышей, которой Илья Сергеевич констатировал бешенство, пришла в некое подобие нормы. Однако воду она так и не смогла пить, что вызвало дальнейшее обезвоживание и, в итоге, смерть. Профессор даже записал в дневнике удачный опыт, оставив самое эмоциональное вне текста:

«Тест 159 окончился более чем успешно. На этом стоило бы остановиться, поскольку купировать многие симптомы бешенства – уже достижение не малых масштабов. Однако я чувствую, всеми фибрами души, дарованной Богом, что я близок к открытию века. Вполне может стать, что в моих руках ключ к исцелению всех тех, кто так нуждается в человеческом общении, а не калечащих тело и разум процедурах.

Завтра попробую ещё раз. Сегодня не могу, как бы банально это ни звучало, промыть пробирки. Кашель прошёл, а вот озноб и насморк укрепляются и властвуют надо мной, отчего дрожат руки.»

На следующий же день профессор принял дневную смену. Обход был более долгим, чем обычно – привезли нового пациента без имени и прошлого, которому не повезло оказаться рядом с взорвавшимся автомобилем. После падения колёсного обода на голову, в которой образовался довольно обширный пролом, этот человек страдал от непроходящего отёка мозга, что влияло на его поведение. Обычно спокойный, размеренный в каждом действии, он вдруг подпрыгивал с места и начинал метаться по комнате и громить всё, что было не приколочено.

И этот новый пациент заинтересовал Илью Сергеевича.

После долгого изучения медкарты профессор принял решение, судьбоносное для всех душевнобольных, как он считал.

Через неделю, после бесконечных анализов и всевозможных расспросов, Илья Сергеевич принялся улучшать формулу лекарства. Он корпел над ней день и ночь, практически не выходя из кабинета. Бедный старый профессор даже есть забывал, отвлекаясь от работы лишь на пару чашек чая в день, да на одну папиросу вечером.

Однако один курьёзный случай всё-таки имел место быть: пока профессор болел, он упустил из виду одну грязную пробирку, где было уже намешено много разных вариаций его экспериментальной сыворотки, и которая всегда стояла поодаль, чтобы посмотреть на оседающий осадок спустя время. Тем же днём Илья Сергеевич смешал состав по новой формуле в ту самую пробирку и... получил неожиданный результат, описать который было крайне просто – это была бледно-жёлтая жидкость, которая ломала все рамки человеческого воображения, высвобождая изображение более продвинутого существа.

Но на этом всё и закончилось, поскольку профессор побоялся изучать случайное изобретение.

И вот, уже в феврале, профессор Григорьев смог представить своему ближайшему соратнику, а по совместительству и заместителю «Отделения 71», Игорю Феофановичу финальный этап разработки. Это был тест на новом пациенте, у которого даже имени не было в карте – того, с отёком мозга.

Два светила науки подготавливали всё неспешно, обстоятельно. И когда настал момент истины, то рука Ильи Сергеевича не дрогнула. Он был уверен в успехе так же, как и в том,

что дышит. Вот только сыворотку он всё-таки перепутал, взяв со стола не готовый образец, проверенный на мышах, а ту самую жидкость, которую намешал месяц назад.

Бедолагу привязали к кушетке, прикрепленной к полу болтами. Установили его температуру, изучили его давление, прощупали пульс – пациент был спокоен и тих. Кивнув друг другу, учёные перекрестились и Илья Сергеевич ввёл иглу, после чего нажал на поршень. Бледно-жёлтая жидкость попала в вену мгновенно, и больной даже не шелохнулся. Он даже не застыл.

Из протокола допроса (подписано рукой Савченко И.Ф.):

«Мой непосредственный начальник, Илья Сергеевич Григорьев, сразу же ослабил ремни. Я считал, что это было преждевременно, поскольку мы не могли доказать наличие мгновенного результата. Да и как бы мы его зафиксировали, этот результат?

Я начал готовиться к худшему. Я ждал, что этот бедолага снова будет страдать от деструктивного поведения – он не раз калечил и себя, и других во время приступов ярости, – но вместо этого пациент заговорил. Он назвал своё имя, дату рождения, место жительства. Да Бога ради... он вспомнил даже то, что было с ним во время операции, перед комой!

Прошу... Молю вас... Найдите исследования профессора...»

Следующим утром Игорь Феофанович отбыл в Москву с отчётом и новыми прошениями.

А Илья Сергеевич вновь принял дневную смену. При обходе было обнаружено, что пациент, вспомнивший своё имя – Артемий Силуанов, – оказался вне своей палаты. Он свободно разгуливал по коридору первого этажа, при этом на ты общаясь с санитарями. Этого Илья Сергеевич никак не ожидал.

После анализов и небольшой операции, для ознакомления с нынешним физическим состоянием пациента, был выявлен очень необычный эффект – череп вскрыли и отёка не обнаружили; серое вещество стало немного светлее, пластичнее, а также пропали все капилляры и вены, покрывавшие мозг. Они будто бы растворились, исчезнув без следа. Ко всему прочему уровень глюкозы в крови превышал норму почти в 17 раз, что было практически летально.

Илья Сергеевич был в восторге от прошедшего испытания вакцины, правда хотел выждать ещё несколько дней – на всякий случай. Только вот оставить Артемия под пристальным надзором было невозможно ввиду малочисленного штата санитаров, часть из которых кинули на срочную расчистку единственной дороги в город. Но Силуанов, неожиданно для всего персонала, вызвался помогать профессору.

Можно ли было расценить такое поведение, как полное излечение?

Два дня спустя Артемий Силуанов умер у себя в палате, утопившись в заполненной раковине. Что послужило причиной – разбирались всем коллективом. Однако вспоминая вчерашний день, Яна Петровна проронила фразу: «Он был какой-то не... такой. Словно ходячее желе.»

Илья Сергеевич вызвал патологоанатома из Мурманска. При вскрытии оказалось, что ни кровеносных сосудов, ни суставов в привычном смысле внутри тела не оказалось. Все они пропали, не оставив после себя даже малейшего следа – точно так же, как и на мозге. Удивились учёные мужи и тому факту, что кости его стали мягче, будто были из резины, и больше не держали форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.